

Семенной генофонд

НАЦИИ А вы знаете, как семечки называются по-английски?

ПРОДОЛЖИМ ПОГРУЖЕНИЕ в глубины души народа нашего? Много еще осталось неизведанного там. Еще больше неизведываемого. Но что-то все же наблюдается, поддается обобщению. Значит, туда и вперим взоры свои, там и поковыряемся. Глядишь, чего-нибудь такое разглядим, что нам поможет себя самих лучше понимать. Глядишь, мягче станем, как тот гроссмейстер, у которого другой гроссмейстер ферзя стырил с этими же словами: «А-а, мяхше становишься!»

Обширна почва для наблюдений... Но нет, что-то не то. Для наблюдений бывает материал, а почва — она для размышлений. Или чтобы в нее бросать что-нибудь — ну там, семена или злаки... Или семечки! Бросаешь семечки на землю, даже не обязательно в почву, можно прямо на асфальт — и вырастает... не угадали, не подсолнух, потому что семечки-то уже жареные, — вырастает красивая, ухоженная, цивилизованная страна. Куда ни глянь, всюду аккуратность процветает, клумбы пострижены по штангенциркулю, асфальт вымыт с мылом душистым, и все окрестности в артистическом беспорядке окроплены пожеванными кожурками вперемешку с использованной слюной. И сразу становится ясно, что живем мы не в век каких-нибудь птеродактилей необразованных, которые в чем обитают, в то и гадят бездумно, а в эпоху высококоразвитых сапиенсов, по своему высокому разумению обустроивающих и загаживающих чужую среду обитания. Ведь высококоразвитый сапиенс не живет на улице. Он живет в квартире и там, естественно, не гадит. Ну, изредка разве что завалится пара-другая сотен ошметок за кресло. Но ведь это временно, пока все передачи про низкокоразвитых животных или высококоразвитых героев сериалов не кончатся, а потом жена уберет. Так что у него с собственной средой обитания все в порядке.

Улица — другое дело. Это не его, это территория враждебных сил, помеченная другими, злыми сапиенсами, которые специально рассыпают шелуху, чтобы показать, что здесь хозяйничают дикие. И наш сапиенс пытается им противостоять, соперничать с ними, пытается отвоевать и облагородить часть территории путем распыливания своей, цивилизованной шелухи. У него страсть ко всему красивому, цельному, и поэтому, когда он видит неравномерно запоганенные лавочки, тротуары, останки, он морщится, корбится, говорит: «Сволочи! Никакой культуры!» И, желая привнести элемент художественности, человечности в

Улица — это территория враждебных сил, помеченная другими, злыми сапиенсами, которые специально рассыпают шелуху, чтобы показать, что здесь хозяйничают дикие

ту самую культуру, украшает те места ожидания своими витиеватыми и эстетичными кожуркодержателями харчками. Полной культурности этим, конечно, не добьешься, но хоть что-то, хоть небольшой участок родины похорошеет. А там, глядишь, капля по капле, все проникнется, устремится к красоте, вот вам и цивилизация.

Знаете, кстати, как семечки называются по-английски? Russian nuts. Нет, для семян подсолнуха в странном для нас, каком-то нерусском, сельскохозяйственном понимании у них есть и обычное название, но чтобы обозначить как культурное явление(!) всю ту жарено-соленую вкусноту, которую наш народ самозабвенно лузгает на родных просторах, англоговорящие используют именно это словосочета-

ние: русские орешки. А если учесть, что в одном из сленговых значений «nuts» — это «сумасшедший, двинутый», то Russian nuts звучит как-то не очень, правда?

Хотя, что они там на Западе понимают! Мы не двинутые, а как раз таки продвинутые. Это до них никак цивилизация не доберется, за все тысячи лет никак они прочухать не могут, какое это удовольствие — лузг, лузг, тьфу! лузг, лузг, тьфу! Ну что за радость в том же гамбургере, если у него никакой оболочки и, прохаживаясь под руку с кавалером, совершенно нечем живописно плонуть в окружающую действительность! Не станешь же, в самом деле, как дикарь, плевать ошметками ветчины — никакой эстетики! А тут: шир-шир в кулаке, вжить-вжить в рот, хрям-хрям челюстями и пфрю-пфрю — летите, голуби, летите! А которые на губах останутся, не взлетят, те — дополнительный шик, особый изыск, знак избранных. Мол, я не только наслаждаюсь, но наслаждаюсь вальяжно, без напряжения, не обременяя себя заботой о суете-шелухе.

Или взять — что там у них еще есть, чем они перекусывают? — бананы, чипсы, поп-корны?



Фото: Андрей СЕРЕБРЯКОВ

Ну да, прикольно в кинотеатре или в трамвае пошуршать звонкой оберткой, пораспространять зловоние кукурузное, но ведь отходо-то от них минимум — одна эта обертка. Ну засунешь ты ее под сиденье, ну в проход бросишь, и все?! Нет размаха, узколобость какая-то. То ли дело семечки! Тут тебе и звонкость — при разгрызании, если ты, конечно, действительно умелый и продвинутый грызун, тут тебе и злобония соблазнительные, и тут же побочного продукта — вагон и маленькая тележка! Хошь, его на точность плюй, хошь — на дальность, хошь, кружева выписывай, хошь, пирамиды выкладывай! Творчество, полет фантазии, тренировка ума даже, в некотором роде.

А душевность какая в самом процессе погрызания, одухотворенность, чувственность! Вот идет Матрена по проспекту в ореоле чешуйчатых-семенных параферналий, вся в мечтах и ошметках, грызет возвышенно, закатив глаза, плоды Природы, и сразу понятно, что она не какая-нибудь там пустышка, или деревяшка, или ледышка, а что у нее за спиной уют кухни, на которой любовно выжаривались смачно поглощаемые ныне произведения кулинарного искусства, что за спиной у нее переживания глубокие и серьезные по поводу благой прожаренности этих произведений, что она вложила всю свою огненную страсть в помешивание жарящихся семечек. И так и захочется прильнуть к ней, прикоснуться к очарованию этой кудесницы, захочется сказать: «Дай погрызть!» А потом тут же предложить обвенчаться.

Прочь сомнения! Если девушка барражирует по проспектам с газетным кулком наотлет и этиками пикантными остатками пищи на лицевой поверхности — она безупречна, она чудо, она ваша судьба. Значит, в вашем доме будет не только кому выгребать шелуху из-за кресла, но и кому обеспечивать вас сырьем для производства этой шелухи. О чем еще можно мечтать?

А мечтать останется только о той золотой поре, когда у вас вырастут юные грызуны, и можно будет послать их к ближайшей бабушке-торговке семечками за вожделенным продуктом. Когда можно будет не утруждать себя ни жаркой, ни бегом, а полностью сосредоточиться на поглощении и распыливании. Или еще хлеще — мечтать надо о том времени, когда семечки, как пищу, будут доставлять на дом. А что? По кулечкам шуршащим их уже фасуют — что само по себе есть, кстати, гибрид цивилизаций, западной и нашей, — скоро доберутся и до доставки. Тогда вот только что останется непонятно: при таком развитии, по каким признакам отличать Матрену уютную от какой-нибудь неразберихи? Кто будет следить за сохранением золотого семенного генофонда нации? Как жен-то себе выбирать будем?

Геннадий АМИНОВ.

Лекарство от смертельного страха



Рисунок: Артемий ЗИГАНОВ

СВОБОДА ВЫБОРА

Недавно мне рассказали дивную историю одного шведского бизнеса. Скандинавы традиционно находятся среди мировых лидеров по количеству самоубийств на душу населения. И вот некие предприимчивые шведы решили помочь своим соотечественникам, страдающим склонностью к суициду. Они организуют для потенциальных самоубийц недельные туры в Санкт-Петербург, заставляя своих клиентов прожить эту неделю в обычной питерской коммуналке. Бизнес процветает. Желание добровольно расстаться с жизнью у шведов, приобщившихся к прелестям коммунального рая (для них, скорее, ада), пропадает на раз.

Этот бизнес, основанный на вроде бы примитивном психологическом приеме, который точно описывает наша поговорка «клин клином вышибают», не так прост, как кажется. Каждый из нас существует внутри собственной мифологии. Один из прочных и очень распространенных мифов — «хорошо там, где нас нет». Хотя на самом деле в очень многих местах, где нас нет, не просто плохо — гораздо хуже, чем там, где мы есть.

Почти никого из нас невозможно утешить примерами из жизни других реальных людей,

которые страдают больше нашего. Моя проблема кажется мне самой трудной, моя боль — самой острой, мое страдание — неизбывным. Но когда испытывающему какой-нибудь пятый или двадцатый метафизический кризис и при этом вполне благополучному материально шведу показывают, как живут люди в европейском городе намного больше Стокгольма, с таким же скверным климатом, да еще и со статусом одной из культурных столиц мира, швед поневоле начинает задумываться. Сопоставлять реалии жизни своей «шведской семьи» и коммунальной семьи петербуржцев, безнадежно застрявших в декорациях, напоминающих дизайн преисподней.

Адекватная оценка собственной жизни иногда в принципе не может появиться без таких визуальных сопоставлений, без попыток буквального проникновения в чужую кожу. Услышать в утешение душераздирающую историю жизни незнакомого человека — это одно. А попасть в мир, где он живет, переночевать в его комнатушке, побороться с его соседями за право исполнить малую нужду или вскипятить чайник, превратиться в этого человека — совсем другое.

Главный источник суицидальных настроений, если не брать клинических случаев, это жалость человека к себе. Даже оплакивая

умерших естественным образом близких, мы, по сути, оплакиваем себя — мы видим в их смерти свою собственную. Но лекарством от смерти иногда может стать жалость к другому. То, чем мы реально обладаем в жизни, можно оценить, если вдруг переместиться в иное жизненное пространство. Увидеть, что есть люди не глупее и не слабее тебя, у которых даже этого твоего мира нет и никогда не будет.

Я никогда не понимал религий, считающих самоубийство грехом. Суицид всего лишь выбор, в котором нет насилия над другими — только над собой. А свобода выбора без насилия над другими — право каждого человека, раз уж мы все равно неизбежно умираем. Но если нам дорог этот конкретный человек, а он — хочет добровольно уйти из жизни, не имея на то медицинских оснований, у нас есть возможность аргументировать выбор в пользу продолжения земного существования.

Петербургская коммуналка оказалась таким аргументом для многих шведов. Диковатый коллективистский быт в городе-призраке на болотах исполнил гуманитарную миссию. Это не значит, что коммуналки не надо расселять. Наоборот. Ведь те суицидально озабоченные шведы поняли главное: «хорошо там, где мы есть».

И там, где есть мы, тоже должно быть хорошо.

Семен НОВОПРУДСКИЙ.